

НА СПЕКТАКЛЯХ Гамбургского театра

ДЛЯ СВОИХ гастролей в Советском Союзе Гамбургский немецкий драматический театр выбрал произведения Гете, Шиллера и Клейста. Наибольший интерес вызвала постановка первой части «Фауста».

Гамбургский драматический театр, осуществляя постановку пьесы и стремясь к концентрации действия, произвел значительные сокращения в тексте, отчего трагедия очень пострадала. Постановщик Г. Грюндгенс старался раскрыть произведение Гете с современных позиций, освободить его от театральной мишуры и «оперности», характерной для некоторых старых постановок. Отсюда нарочитый, даже полемический аскетизм внешнего облика спектакля, почти лишенная декораций. На сцене возвышены подмостки маленького театрального здания, на них и возле них разворачивается действие, выделяемое светом.

Постановщик в сценическом решении явно исходил из «Пролога в театре». Однако эта сцена, чрезвычайно важная для понимания театральной эстетики Гете, не может рассматриваться как ключ к пьесе. Трагедия начинается не с диалога директора театра, поэта и шута, а с «Пролога на небе», со спора между господом и Мефистофелем о Фаусте.

Между тем в спектакле Гамбургского театра «директор театра», подвзав бороду, превращается в господина, шут становится Мефистофелем, а поэт — Фаустом. Тем самым философская концепция Гете безмерно сужается. Исчезает самое

столкновение между добром и злом.

Отказавшись от сценических «чудес», Г. Грюндгенс все же в одной картине изменил скупому, графическому решению, создав нарочито театральное зрелище — «Вальпургиеву ночь». На фоне ярко иллюминированной горы Мефистофель, ведьма, Фауст и полуобнаженные женщины пляшут иступленный «рок-н-ролл» под звуки нарочито какифонической музыки. По-видимому, нестойкая вакханалия должна означать гибель старого мира, пляшущего на вулкане. Однако этой цели данная сцена не достигает. Она более похожа на ревю. К тому же ради зрелища в этой картине почти полностью уничтожен текст Гете. Театральная постановка «осовременить» «Фауста» выражается преимущественно внешними приемами (костюмы, прически, детали обстановки). Так, в кухне ведьмы фигурирует убогий граммофон с пластинками фокстрота, а сама ультра-современная и вульгарная «хозяйка» смахивает на содержательницу «веселого дома».

Трудно согласиться со многими купюрами, в частности с исключением почти всех жанровых сцен из картины «У городских ворот». Оставленные режиссером песня и пляска крестьян приобретают благодаря этому веселый, дивертисментный характер.

Спектакль черовет в актерском отношении. Над всем высится Г. Грюндгенс — Мефистофель. Образ, созданный выходящим актером, исполняющим эту роль 27 лет, дерзостью смел и неожидан. Трагедия

Грюндгенса направлена против традиционного «оперного» Мефистофеля.

В Мефистофеле Грюндгенса ничего отсутствуют привычные атрибуты «дьявола». Это скорее трагический клоун с набеленным лицом, лицедей, сменяющий одну маску за другой. Мефистофель то вкрадчив, то дерзок, то мягок, то груб. Но за всеми «масками» скрывается бездонный цинизм, ядовитый скепсис, ненависть и презрение к чистоте, доверчивости, поэзии и красоте человека. В жестике движений Мефистофеля — Грюндгенса есть нечто змеиное, как и во взгляде холодных, безжалостных глаз. Слово Мефистофеля — саркастическое, злобное, напоенное отравленной иронией, — звучит в устах Г. Грюндгенса необычайно выразительно. Мефистофель устал и пресыщен всем. Он не верит не только в добро (еще бы!), но даже и в зло. И только ненависть к людям еще заставляет действовать этого похотливого циника. Сколько испепеляющего презрения к людям в его интонациях и жестах, когда он укрощает бурю в Ауэрбаховом погребке или «обольщает» Марту. Вершиной действия «Смерти Валленштейна» Шиллера являются сцена с учеником, в которой Мефистофель высмеивает простодушную доверчивость юноши, и эпизод «лес и пещера», где дьявол глумится над любовью Фауста.

Роль Фауста исполняет даровитый и опытный актер В. Хинц. Но ему не удается передать внутреннего драматизма и психологического содержания образа. Трудно поверить, что у Фауста — Хинца «две души живут в груди». Трагедия мысли, мучительной раздвоенности, искания смысла жизни заменились риторической декламацией.

Благородно и сдержанно, чуждаясь сентиментальности, проводит роль Грехен Э. Бюхи, достигая в сцене «У городской стены» (которая в спектакле слита с картиной «У колодца») и финале трагедии искреннего драматизма. Но, как ни странно, этот драматизм кажется преувеличенным, так как во всем спектакле напряженность человеческих переживаний нарочито приглушена.

Нужно отметить хорошо поставленную и сыгранную сцену в Ауэрбаховом погребке (К. Вибах, Ф.-Г. Бекхауз, К.-Г. Вюппер, Г. Ирле), а из других исполнителей Э. Бессель — Марту, Э. Габель — ведьму, З. Ловина — Вагнера, У. Фридрихсена — ученика.

Строгим вкусом отмечена работа художника Тео Отто.

Второй спектакль Гамбургского театра состоял из комедии Клейста «Разбитый кувшин» и третьего действия «Смерти Валленштейна» Шиллера. Постановка обеих произведений осуществлена в иной, отличной от «Фауста» манере и кажется более близкой характеру дарования актеров Гамбургского театра.

«Разбитый кувшин» был специально подготовлен театром для гастролей, и первое представление пьесы со-

стоялось в Ленинграде. Спектакль поставлен Г. Гильбертом реалистически достоверно. Сатирически-бытовая комедия Клейста, как известно, написана под впечатлением жанровой голландской картины «в духе Тенирса», по словам драматурга. И в этой же сочной манере поставлен и сыгран спектакль. Г. Шомберг, которого мы видели в «Фаусте» в ролях директора театра, господина и духа земли, — превосходный характерно-комедийный актер. Его судья Адам — жадный, сластолюбивый, хитрый, пронырливый, лживый и злобный. Это — полнокровный реалистический образ.

Законченную фигуру лукавого, завистливого писателя Лихта создал З. Ловин. У. Фридрихсен очень правдиво сыграл роль простодушного тугодума, искреннего и честного Рупрехта, а К.-Г. Вюппер — его отца. Реалистически правдиво играют Э. Бюхи (Ева), Е. Бессель (Марта), В. Хинц (Вальтер), Э. Габель (Бригитта), Х. Лейпольт и А. Хаген (служанки). Г. Ирле создал из бессловесной роли хожалого Ганфрида, привыкшего выволакивать посетителей из суда, яркую и живую, полную неотразимого юмора фигуру. Пьеса отлично оформлена Р. Глизе.

Показанное театром третье действие «Смерти Валленштейна» — кульминация трагедии Шиллера. Конечно, судить о постановке в целом на основании одного только акта нельзя; однако нужно отдать должное мастерству режиссера У. Эрфурта, художника Г. Неера и исполнителя главной роли Г. Грюндгенса.

Г. Грюндгенс отказывается от воспроизведения исторически достовер-

ного облика своего героя. С огромной силой раскрывает актер авантюризм Валленштейна, готового принести в жертву своему честолюбию единство государства, сотни и тысячи жизней. В то же время актер не принижает Валленштейна — это было бы ошибкой (герой трагедии не может быть маленьким человеком), но развенчивает цель его стремлений, обнажая его демагогию. Валленштейн Грюндгенса искренен и лжив, мужествен и слаб, но он обречен на гибель, его поступками управляет только дерзость отчаяния.

Антиподом Валленштейна выступает в пьесе Макс Пикколомини, пылкий, благородный, мужественный — любимый герой Шиллера. С большим подъемом, темпераментно и ярко проводит эту роль С. Финер. К сожалению, при постановке третьего действия «Смерти Валленштейна» театр произвел ряд опустошительных купюр. Поэтическая роль Теклы, по существу, сведена к нескольким репликам. Очень пострадала от сокращений и другие сцены, в частности встреча Валленштейна с кирасирами.

Гамбургский театр — своеобразный творческий коллектив, встреча с которым явилась интересным событием в культурной жизни нашего города. Пусть многое спорно в работах театра, но лучшие из них несут печать пылковой мысли. А Гете недаром сказал в «Фаусте», что человек даже в смутном искании истины найдет верный путь.

А. ГОЗЕНПУД,
кандидат искусствоведения и филологических наук

□
На снимке: сцена из спектакля «Фауст». В роли Мефистофеля — Густав ГРЮНДГЕНС, в роли Грехен — Элла БЮХИ.
Фото П. Федотова (ЛенТАСС)